

Узлов Юрий Андреевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета
uzlov@inbox.ru

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу ряда публикаций по проблеме российско-западноевропейских отношений (в контексте модернизационного процесса новейшей истории) и определению специфических черт цивилизационного развития.

Ключевые слова:

цивилизация, историография, культурно-исторический тип, самоидентификация народов, традиционное общество.

Uzlov Yuriy Andreevich

Candidate of History,
associate professor of the chair of
history and culturology,
Kuban State University
uzlov@inbox.ru

**RUSSIAN EMPIRE
AND WESTERN EUROPE:
HISTORIOGRAPHIC ASPECTS**

The summary:

The article is devoted to analysis of a series of publications on the problem of Russian-European relations in the context of the modernization process of recent history and definition of specific features of civilization development.

Keywords:

civilization, historiography, cultural and historical type, self-identification of peoples, traditional societies.

Возможности того или иного государства реализовать свои национальные интересы в немалой степени зависят от представлений о нем мировой общественности. Особое значение это имеет в тех случаях, когда речь идет о государствах, политика которых в большей или меньшей степени затрагивает интересы всего мирового сообщества. Если говорить о России, то все отчетливее проявляется ее стремление вернуть себе былые утраченные позиции в мировой политике, добиваясь усиления своей роли в глобальном развитии и восстановления статуса ведущей мировой державы.

Существующий в мировом общественном мнении образ той или иной страны, а образ России в особенности, складывался в ходе весьма сложного процесса и подвержен влиянию ряда разнородных факторов. Поэтому трезвая оценка роли России в мире предполагает уяснение механизма этого процесса, уточнение участвующих в нем сил, осмысление всей его противоречивости и культурно-исторической детерминированности.

К сожалению, методологические проблемы подобного рода изучены весьма слабо, и о полной ясности в понимании механизма эволюции образа России говорить, безусловно, не приходится. Тем не менее происходящее в последние годы переосмысление ключевых категорий исторической науки неизбежно приводит к формированию новых подходов в этом вопросе.

При рассмотрении отношений России с ведущими западными странами важно иметь не простое представление о множестве течений и направлений западной и отечественной исторической науки, но и попытаться разобраться, понять логику их применения на практике. Сопоставление собственных взглядов, конкретных наблюдений и оценок с иной трактовкой, усвоение новых институциональных подходов все более возрастают с ростом интернациональных связей, что открывает широкий простор для компаративного изучения наших народов.

Настоящая статья посвящена анализу ряда публикаций по проблеме российско-западноевропейских отношений в контексте модернизационного процесса новейшей истории и определению специфических черт цивилизационного развития.

Почему Россия не стала Европой, как того хотели отцы-основатели русской государственности, какие различия существуют между двумя близкими, но разными по типу цивилизациями. Чтобы ответить на вопросы, необходимо прежде всего обратиться к самоидентификации этих народов.

На заре российской государственности монах Илларион, отвечая на вопрос, кто мы и куда идем, назвал русский народ «новым», призванным жить по благодати. Через сто лет старец Филофей возложил на Московское государство и его создателей историческую миссию хранителя христианства в византийско-русском варианте.

Среди признаков, характеризующих культурно-исторический тип народа, Н. Данилевский поставил на первое место религиозную деятельность, «объемлющую собой отношения человека к Богу... и составляющую живую основу всей нравственной деятельности человека» [1, с. 454]. Культурно-исторический тип народа характеризуется прежде всего его ментальностью. Такой ментальной основой, объединяющей Россию и Европу, является христианство. Это самое главное в культурно-историческом типе двух цивилизаций, являющееся цементирующей основой, несмотря на известные идеологические и иные расхождения.

Исторически характер отношений между народами определяется способностью их адаптации к инновационным процессам, что имеет основополагающее значение для цивилизационного развития, осмысления прошлого и реального настоящего.

Особую значимость на развитие любой цивилизации приобретают факторы внешнего влияния. Вдвойне это происходит в переломные исторические периоды, когда время остро ставит вопрос о необходимости смены социальных и политических формаций, а общество стоит перед выбором пути своего дальнейшего развития.

В XX веке произошел переход ведущих стран Запада во главе с США к «информационному обществу», что означало вступление западной цивилизации в «постиндустриальную эру». Американский социолог Элвин Тофлер определил это явление как «Третья волна» [2], полагая, что она является закономерной и последовательной, как и первая, когда был осуществлен переход человека от охоты к земледелию, и как вторая – от земледелия к промышленному производству.

Что предопределило лидирующее положение Запада, какова динамика развития этого типа цивилизации и почему многие страны и их народы не смогли в равной мере участвовать в этом процессе? [3, с. 91–116].

Фернан Бродель в своем исследовании попытался ответить на поставленные вопросы. Сегодня, отмечает ученый, вполне можно говорить о возникновении универсальной цивилизации, в создании которой решающую роль сыграли процессы, начавшиеся в XVIII веке в Европе. Запад как цивилизация, первой подвергшаяся модернизации, играет ведущую роль в формировании культуры современности. Однако это не должно означать, что модернизация ведет к исчезновению других исторических культур. Скорее всего, она должна усилить их [4]. Каким образом это должно произойти, автор не уточняет.

Социолог Филлипс Самюэль Хантингтон, теоретик концепции этнокультурного разделения цивилизаций, в книге «Столкновение цивилизаций» концептуально проблему представляет как «некую идею цивилизационного бытия, унаследованную Западом от Рима» [5, с. 98]. Американский ученый поясняет, что для ранней западной цивилизации характерен некий «механизм» социальной стратификации, который способствовал возникновению и развитию автономных групп, не основанных на кровном родстве или узах брака. Соци-

альный плюрализм дал начало сословиям, парламентам и институтам власти. В периоды экономической активности эти формы развились в институты демократии, способствовали возникновению и развитию индивидуализма, гражданских прав и свобод [6, с. 100]. Ученый заключает, что именно индивидуализм и есть главная черта западной цивилизации.

Западные исследователи отождествляют цивилизацию с комплексом социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных преобразований, включая процессы индустриализации, урбанизации, рационализации и демократизации.

Польский социолог Петр Штомпка трактует модернизацию как процессы, происходящие в слаборазвитых странах, и они, по мнению ученого, направлены на то, чтобы догонять передовые, наиболее экономически развитые страны [7, с. 170–172].

Российский социолог В.Г. Федотова рассматривает модернизацию как процесс эволюции «традиционного общества» в «современное общество». «Традиционным обществом», по мнению академика, является организация, воспроизводящая себя на основе «традиции и имеющая источником легитимации активности прошлое и традиционный опыт» [8, с. 166]. Характерными признаками «традиционного общества» являются его зависимость в организации социальной жизни от религиозных представлений и мифологии, цикличность развития, коллективизм, авторитарность власти, особый психологический склад личности. Характерными признаками «современного общества» (западного) является преобладание инноваций над традицией, светский характер социальной жизни, поступательное развитие и демократическая власть.

Возможен ли переход из «традиционного общества» в «современное общество»? По мнению большинства исследователей, однозначного ответа нет, при этом все подчеркивают, что это есть процесс сложный, длительный, порой драматический. В. Межуев пишет о «традиционной» цивилизации, которая на протяжении длительного периода, в силу своих культурно-исторических обстоятельств, шла по пути «догоняющего» развития, и ни одна из попыток осуществить модернизацию полностью не удалась. В технологическом и социальном плане историческая ситуация складывалась порой благоприятно, а камнем преткновения оставалась задача политических и культурных реформ [9].

Западная цивилизационная модель реализовывалась как результат внутренних противоречий европейских стран, на собственной культурной «почве» и рассматривалась в мировой истории со времен поздней античности. Российская же модель характеризуется пространственной геополитикой, спецификой социального строя, особой ролью государства и его институтов в регулировании общественных отношений, а также общественно-политическими и идейными исканиями. К сожалению, историческая практика демонстрировала нам примеры, когда модернизации были вынужденными, зачастую опережали естественные темпы развития страны и осуществлялись раньше, чем созрели условия для перемен.

Российско-западноевропейские отношения имеют давнюю историю. Наибольший интерес европейцев к жизни восточного соседа произошел в эпоху рождения и утверждения Российской империи (XVIII–XIX вв.). Это событие связано с такими выдающимися именами отечественной истории, как Петр I, Екатерина II, Александр I, Александр II. Россия пошла на активное сближение с Западом после Французской революции. Победа над Наполеоном в коалиции с ведущими европейскими странами сделала Россию постоянным и активным участником в европейских делах и в мировом цивилизационном пространстве.

Государственный деятель Франции Алексис де Токвиль, как нам представляется, дал исчерпывающую оценку этому событию. «В настоящее время существуют на Земле два великих народа, которые, начав с разных точек, приближаются, по-видимому, к одной

цели: это русские и англо-американцы. Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал об их появлении и их величии. Все другие народы, по-видимому, почти достигли пределов, предназначенных им природой; их задача только сохранять приобретенное. Но эти два народа находятся еще в периоде роста. Все остальные остановились или подвигаются только с большими усилиями; лишь они одни идут легко и скоро по пути, которому глаз еще не может видеть конца» [10, с. 156].

Фридрих Гегель заметил: «Современные государства, как может показаться, уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, у многих кульминационная точка уже оставлена позади и положение их стало статическим. Россия же уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди всех прочих в лоне своем скрывает небывалые возможности развития своей интенсивной природы» [11, с. 407].

Вхождение России в глобальную политику было связано прежде всего с той ролью, которую она сыграла в разгроме армий Наполеона, и последующим активным участием в европейских делах (подавление революций в ряде европейских стран). А также ростом военного и экономического могущества империи, территориальной экспансией.

Россию уже нельзя было рассматривать как экзотическую страну, географически и фактически далекую от европейской цивилизации. Новая роль Российской империи требовала выработки обстоятельного и осмысленного взгляда, включающего в себя новое понимание и отношение к русским.

Россия была единственная незападная империя, которая с XVI века постоянно расширялась. Иными словами, российская история – это перманентная экспансия, которая продолжилась и в XX веке, но на новой основе. Не будучи колониальной империей в западном смысле, Россия развивалась как альтернативная и морским, и континентальным западным империям вместе взятым, как альтернативный политико-экономический и геополитический имперский проект [12, с. 546–569].

В США под редакцией Джейн Бурбанк и Дэвида Рансела в 1998 году вышел сборник статей «Имперская Россия: новые истории для империи», где выдвигаются свои методологические концепции в отношении русской истории. Модернизации здесь трактуются как пример культурных пересечений цивилизаций Востока и Запада [13]. В общеевропейском контексте русские включены в поиск новых форм управления, культурных учреждений и внесение своего вклада в общечеловеческие ценности.

Авторы признают Россию как европейскую монархию, при этом считают невозможным применять к ней западные стандарты. Признавая за Россией европейский статус, отмечают, что Россия – одна из своеобразных европейских империй, которая обладала космополитичной элитой, многонациональными окраинами и прочим разнообразием. За ее пределами остаются права человека и институты частной собственности.

Профессор Стивен Хок считает, что подобные стандарты препятствуют пониманию специфических черт русского государства и его общества [14]. Майкл Дэвид-Фокс дополняет, что имперская Россия, особенно в период между реформами и революциями, в течение нескольких десятилетий находилась в центре внимания американцев [15, с. 5–6].

Доменик Ливен, акцентируя внимание на особенностях российской цивилизации, пишет: «Для русских исключительность их страны – это, по сути, религиозная догма... если все истории и культуры уникальны, то таковые в России уникальны в большем числе отношений, чем другие» [16, с. 10, 48]. Ливен считает, что поскольку в современной политической науке господствуют американцы, в меньшей степени англичане и французы, то они навязывают науке свою политкорректность и основанную на ней методологию ученым других стран, трактуя как точку отсчета и идеал нацию-государство, «демократический нацио-

нализм», и приходит к выводу: «Настала пора для русских перехватить инициативу и вернуть лидерство (*to regain the lead*) в написании собственной истории» [17, с. 164].

В зарубежной историографии наметилась тенденция рассматривать Россию эпохи империи как своеобразную европейскую монархию, не соответствующую западным стандартам. Позиция авторов заключается в признании наличия в этой стране модернизационного полюса, и, по их оценке, это наблюдается постоянно.

В. Шанин отмечает, что Россия сочетает в себе особый тип социальной структуры и положения в мире: долгую имперскую историю, сформировавшийся костяк государственного аппарата, высокообразованную, политически ориентированную интеллектуальную элиту [18].

М. Рое, называет Россию «самородком мировой цивилизации», которая пошла своим путем за счет сильной авторитарной власти и уникальной способности к самозащите [19].

Традиции и инновации отражаются в историографическом зеркале реальных процессов. Западная ориентация преобладает в периоды радикальных реформ, преобразований, модернизации традиционных устоев. Традиционная линия выдерживается в периоды относительного стабильного состояния общества [20, с. 67].

В. Ильин и А. Ахиезер сходятся во мнении, что Россия принадлежит к числу государств «догоняющего» типа экономического развития, вступивших на путь современного индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США [21, с. 109].

В. Хорос, переход от традиционной организации управления к рациональной, создание государственности нового типа, считает объективным явлением общественного развития нового времени. Петровская реформа в этом отношении стала важной вехой в мировой истории, которая символизирует начало процесса модернизации и европеизации в мировом масштабе. Россия вписывается в общемировой процесс модернизации как страна второго эшелона. В. Хорос подчеркивает, что русская модернизация имела выборочный характер, который заключался в западном заимствовании технических и организационных достижений на фоне ужесточения эксплуатации традиционными методами [22].

Подобные утверждения, что Россия все время «догоняла» Европу, подводят к выводу, что тот или иной момент ее исторического развития как государства соответствовал более раннему этапу истории Западной Европы. Этот тезис, как нам представляется, является ошибочным, ибо он совершенно не учитывает характерные признаки европейской истории XV–XVII веков. Поэтому высказанные предположения, что в России могли возникнуть политические или социальные институты европейского типа, не соответствует историческим реалиям.

Россия на протяжении своего цивилизационного развития сочетала в себе сугубо национальные черты и в определенной мере – в силу своего геополитического положения – отдельные черты, делавшие ее похожей на своих соседей. Европа видела в России особый мир, соприкасаясь с которым, западный человек убеждался, что различия между двумя типами цивилизаций гораздо значительнее, чем между отдельными европейскими странами. Россия всегда не укладывалась в рамки западных понятий. Очевидным остается и тот факт, что она по определенным причинам не может быть отнесена и к Востоку, хотя в ряде случаев подчеркивается ее восточное происхождение.

Как мы отметили, Россия начиная с XIX века предстала перед миром как особая вселенная, загадочная и непонятная, исключительно своеобразная и разнообразная, со своим образом жизни и мыслей, культурой и традициями.

Ссылки:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
3. Перов Ю.В. «Русская идея» и «либеральный проект для всего мира» // Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. СПб., 2000.
4. Смирнов В.П. Фернан Бродель: жизнь и труды // Французский ежегодник 2002. М., 2002.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
6. Там же.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
8. Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005.
9. Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 1 – Философия. Политология.
10. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1997.
11. Гегель Г. Работы разных лет. В 2 т. М., 1976. Т. 2.
12. Русский исторический журнал. 2000. Т. III. № 1–4.
13. Imperial Russia: New Histories for the Empire / ed. by Burbank J., Ransel D. Bloomington, 1998.
14. Hoch S. The Serf Economy, the Peasant Family, and the Social Order // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Ed. by Burbank J., Ransel D. Bloomington, 1998.
15. Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000.
16. Lieven D. Dilemmas of Empire 1850–1918. Power, Territory, Identity // Journal of Contemporary History. 1999. Vol. 34.
17. Там же.
18. Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг. // Общественные науки и современность. № 1.
19. Пое М.Т. The Russian Moment in World History. Princeton – Oxford, 2003.
20. Медушевский А.Н. Реформы и контрреформы в истории России XVIII–XIX вв. // Вестник высшей школы. 1990. № 4.
21. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.
22. Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.

References (transliterated):

1. Danilevskiy N.Y. Rossiya i Evropa: Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. M., 2003.
2. Toffler E. Tret'ya volna. M., 1999.
3. Perov Y.V. "Russkaya ideya" i "liberal'niy proekt dlya vsego mira" // Perov Y.V. Istorichnost' i istoricheskaya real'nost'. SPb., 2000.
4. Smirnov V.P. Fernan Brodel': zhizn' i trudy // Frantsuzskiy ezhegodnik 2002. M., 2002.
5. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. M., 2003.
6. Ibid.
7. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy. M., 1996.
8. Fedotova V. G. Khoroshee obshchestvo. M., 2005.
9. Mezhuev V. M. Tsennosti sovremennosti v kontekste modernizatsii i globalizatsii // Elektronniy zhurnal "Znanie. Ponimanie. Umenie". 2009. No.1 – Filosofiya. Politologiya.
10. Tokvil' A. Stariy poryadok i revolyutsiya. M., 1997.
11. Gegel' G. Raboty raznykh let. In 2 vols. M., 1976. Vol. 2.
12. Russkiy istoricheskiy zhurnal. 2000. Vol. III. No. 1–4.
13. Imperial Russia: New Histories for the Empire / ed. by Burbank J., Ransel D. Bloomington, 1998.
14. Hoch S. The Serf Economy, the Peasant Family, and the Social Order // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Ed. by Burbank J., Ransel D. Bloomington, 1998.
15. Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period. Antologiya. Samara, 2000.
16. Lieven D. Dilemmas of Empire 1850–1918. Power, Territory, Identity // Journal of Contemporary History. 1999. Vol. 34.
17. Ibid.
18. Shanin T. Sotsial'no-ekonomicheskaya mobil'nost' i istoriya sel'skoy Rossii 1905–1930 gg. // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. No. 1.
19. Poe M.T. The Russian Moment in World History. Princeton – Oxford, 2003.
20. Medushevskiy A.N. Reformy i kontrreformy v istorii Rossii XVIII–XIX vv. // Vestnik vysshey shkoly. 1990. No. 4.
21. Il'in V.V., Akhiezer A.S. Rossiyskaya tsivilizatsiya: sodержanie, granitsy, vozmozhnosti. M., 2000.
22. Khoros V. Russkaya istoriya v sravnitel'nom osveshchenii. M., 1996.